

НОВОЗЕЛАНДЦЫ В ГРЕЦИИ – АПРЕЛЬ 1941 ГОДА

Греческая кампания, в которой австралийские, британские и новозеландские части под общим командованием британского генерала Хенри Уилсона (Henry Maitland Wilson) поддерживали греческую армию в ее противостоянии германскому вторжению, была плохо спланированной и окончившейся катастрофой кратковременной операцией. Она была вызвана политической необходимостью, связанной с гарантией, которую Великобритания предоставила Греции на случай неспровоцированной агрессии третьей стороны. 8 апреля Германия одновременно вторглась в Грецию и Югославию. Переброшенные в Грецию в марте-апреле союзные части сильно уступали противнику в численности: 58 000 солдат и офицеров, в том числе, 16 720 солдат новозеландцев, прибыли в Грецию из Африки и вместе с союзниками вступили в бой против двух немецких армий: 12-й (13 дивизий) и 2-й (15 дивизий), каждая из которых включала четыре танковые дивизии. Действиям союзников мешали плохая связь, примитивная дорожная система, труднопроходимая горная местность, низкая боеспособность греческих войск и, главное, быстрые, мобильные атаки немцев. В первый же день, после опустошившей Порт Пирей воздушной атаки, союзники потеряли инициативу и так и не сумели овладеть ею. Уже через неделю после начала боевых действий союзники были вынуждены отступить на юг...

Прелюдия

Специальный приказ генерала [Бернарда Фрейберга](#) (правильно – Фрайберг, **Bernard Cyril Freyberg**, командир 2-й Новозеландской Дивизии), зачитанный на каждом направляющемся из Египта в Грецию войсковом транспорте с новозеландцами на борту:

Прежде чем отправиться из Египта на фронт, я запланировал лично донести до вас последнее слово. Я нахожу, что события развиваются быстро, что не дает мне возможности сделать это. В этой связи я отправляю вам свое послание в запечатанном конверте, который нужно будет открыть на борту транспорта после того, как вы тронетесь в путь.

Через нескольких дней вы, возможно, вступите в бой, защищая Грецию, родину культуры и образования. Мы столкнемся с нашим настоящим врагом – с немцами, которые поставили своей целью разрушение Британской Империи. Из этого очевидно, что где бы мы ни сражались с ними, мы будем сражаться не только за Грецию, но и за собственные дома.

Одно слово о нашем противнике. Немецкий солдат – храбрый боец, так что избегайте недооценки трудностей, которые ждут нас. С другой стороны, помните, что на этот раз он вступает в бой, когда его коммуникации затруднены, в стране, где он не может использовать в полной мере свои мощные бронетанковые силы. Далее. Вы должны помнить, что ваши отцы из 1-го Новозеландского Экспедиционного Корпуса побеждали немцев в последней войне, где бы они с ними не сталкивались. Я уверен в том, что в этой кампании в Греции немцы встретят людей, которые крепче, сильнее и лучше обучены, чем они ... Вы умеете стрелять и умеете совершать марши на большие расстояния, не зная усталости. Решительно и точно стреляя, энергично патрулируя в ночное время, вы можете одолеть любого врага, с которым столкнетесь.

Далее. Многие из вас, насколько я понимаю, впервые узнают, что такое испытание боем. Не давайте застать себя врасплох. На войне всегда тяжело, особенно во встречном бою, время всегда будет работать против вас, там всегда будет шум и неразбериха, приказы на поле боя будут поступать с опозданием, нервы будут на пределе, вы будете под атаками с воздуха. Но вы прошли физическую подготовку, чтобы выдержать долгие марши и утомление, и вы должны приобрести твердость стали, чтобы преодолеть испытания современной войной.

Одно последнее слово: вы будете сражаться на чужой земле, и взгляды многих народов будут сфокусированы на вас. На вас возложена честь Новозеландской Дивизии. Она не могла оказаться в более достойных руках.

Леонард Торнтон (Leonard Thornton, 1916-1999, на фото слева), майор, участник боевых действий в Африке и Италии, в послевоенное время дослужился до звания генерал-лейтенанта и занимал должность начальника генерального штаба новозеландских ВС:

Правительство Новой Зеландии с неохотой согласилось на отправку нашей дивизии в Грецию. Теперь, когда мы смотрим в прошлое как на историю, ясно, что никаких надежд на успех не было. Там были мы и еще британская и

австралийская дивизии, на усиление должна была прибыть бригада довольно изношенных танков. Такими были наши силы, и мы были слегка обеспокоены, когда узнали во время погрузки на корабли, что в Каире уже существует организационный комитет, который должен будет заняться планированием нашей эвакуации, если такое возможно, - это не слишком поднимало настроение!

Так или иначе, мы отправились в Грецию, в северную Грецию, и разместились на оборонительных позициях. К этому времени я оставил должность адъютанта в своем прежнем полку, я бы сказал, к моему облегчению (это была штабная позиция), и теперь командовал артиллерийской батареей. Начались бои, но они едва ли продолжались сколь-нибудь долго, потому что на нас наступали 12 немецких дивизий. Мы сражались так, как могли, на горных проходах в районе горы Олимп, и именно там я впервые оказался под огнем на реке Алиакмон. Результат был предсказуемым: мы откатились назад настолько быстро, насколько это было возможно, и эти бои были, на самом деле, сдерживающими: они давали возможность основным силам отступить по дороге на Афины. Были у нас еще бои в районе Фермопил, где когда-то давно имело место знаменитое сражение.

Лагерь новозеландцев в районе горы Олимп

Кеннет Фрэйтер (Kenneth Frater), водитель из Корпуса Армейского Обслуживания/*Army Service Corps*. В самом начале кампании он случайно встретил министра иностранных дел Великобритании [Энтони Идена](#) (Anthony Eden):

Припасы прибывали из Пирея по узкоколейке, проходившей через Катерини/*Katerini*. Я работал на погрузке, на станции, находившейся неподалеку от Катерини, и как-то пошел в сделанный из гофрированного железа туалет, чтобы оправиться. Тут я услышал, что на станции остановился поезд, после чего в сортир забежал парень в костюме в полосочку и с фетровой шляпой на голове и встал рядом со мной.

Он спросил: «Вы новозеландец?» - «Да,» - сказал я. Он протянул мне руку и представился: «Иден.» Пожал ему руку и говорю: «Фрэйтер.» Вот так вот я отлил вместе с британским министром иностранных дел и будущим премьер-министром. Он до этого встречался в Болгарии с правительством этой страны и сказал мне, что рассчитывает завтра улететь в Великобританию.

Перед боем

Джордж Браун (George Brown), лейтенант, 20-й Пехотный Батальон:

Мы сошли на греческий берег в гавани Пирея и промаршировали к нашему бивуаку, который был просто превосходным после жары [североафриканской] пустыни. Мы осмотрели Афины, узнали немного больше об истории этого города, выпили превосходного местного вина и съели по отличному стейку, после чего на поезде отправились в Катерины. Проведя там несколько дней, мы тронулись в путь на грузовиках, думаю, это была Риакия/Ryakia – оттуда по ночам были видны огни Салоник.

Там мы окопались, а местные жители показались нам очень гостеприимными. Мы, офицеры нашей роты, разместились в одном из домов, и греки стали приносить еду и своих детишек, чтобы показать их нам. Наши батальонные инженеры установили насос над одним из городских колодцев. Местный священник получил от нас несколько десятков плиток шоколада – понятное дело, этого было мало для тысячи человек, так что полковник и священник пошли в местную школу, и, думаю, к восторгу детей, который те продемонстрировали, раздали всем по куску шоколадного торта. Мы заняли оборонительные позиции вокруг Риакии. Теперь ожидалось, что Югославия капитулирует, а мы будем защищать Грецию...

Одним поздним вечером нас подняли, и мы начали долгий марш к линии, доминировавшей над долиной реки Алиакмон. Шел снег, а укрыться нам было негде. Мы расположились на ночь замерзшими и голодными. Со временем мы окопались, наладили патрулирование местности и провели богослужение. Во время этой службы, которую проводил падре Досон (Dawson) налетели джерри (Gerry - распространенное у британцев прозвище немцев - ВК) и обстреляли нас, но никто не пострадал. Потом мы двинулись вперед всем батальоном, никаких стычек с немцами не было, и, в итоге, нас отвели назад. В ходе отступления немецкая авиация господствовала в воздухе, и мы были под интенсивными бомбежками. Были пострадавшие, думаю, тогда мы отступили вплоть до Лариссы.

Одним утром на сказали, что наша рота должна занять позицию на очень высокой горе – должно быть, ее высота была под 3 000 футов. Мы стали карабкаться на эту гору – троп там не было, дорога через буш была живописной, всюду были белки. Мы остановились на ланч, и [Полковник Киппенбергер](#) (Howard Kippenberger, командир 20-го Батальона) подошел ко мне и присел рядом. Пока мы ели, появился вестовой и принес ему сообщение. Он прочитал его и передал мне, но сказал: «Джордж, не говори людям, пока я не отойду подальше: мы отступаем.» Поднявшись вверх на тысячи футов, мы теперь стали спускаться вниз. Потом нам сказали уничтожить все, что можно. У меня и моего друга Джека Бэйнса (Jack Baines), с которым я жил в одной палатке, был свой граммофон His Master's Voice, мы расколотили киркой его и все пластинки. У меня просто душу рвало на части...

Рекс Томпсон (Rex Thompson), водитель из Корпуса Армейского Обслуживания:

Мы возили грузы на базу в Лариссе, которая находилась на полпути к северной границе Греции. Там был большой склад, и немцы, придерживавшиеся строгого расписания, бомбили его каждый день во время ланча. Складской народ выскакивал из помещений, как только начинали выть сирены, и мы, любознательные киви/kiwi (самоназвание

новозеландцев – ВК), имели время, чтобы хорошо осмотреться. [Хранившийся на складе] ром был очень популярен среди нас и очень помогал...

Ричард Кин (Richard Kean), сержант, младший офицер связи артиллерийской батареи:

Мы прибыли в Пирей, афинский порт, сошли на берег и промаршировали через Афины куда-то за пределы города, где расположились в тени деревьев. Через какое-то время мы тронулись в путь и остановились к югу от прохода в районе горы Олимп, потом снова двинулись вперед, через саму эту гору, на другой ее склон, и добрались до деревни в окрестностях города Кифос/Курфос, где разбили лагерь. Мы вырыли довольно приличный окоп, чтобы было, где жить и где разместить телефонный узел. Немного пошатались и нашли кое-что, знаете, типа крышу от старенького бомбоубежища Anderson (см. фото справа), чтобы накрыть сверху наше жилище. Так или иначе, его достаточно, если сверху присыпать землей. Мы попросили греческого фермера распахать землю, наваленную на эту крышу, и наш бункер вообще стал незаметен.

Потом мы двинулись дальше, и, по какой-то причине, известной только ему, мой майор решил, что ему нужен передовой пост прослушивания и что сидеть на нем должен я. Почему так, сам не знаю, но, когда я расположился на этом посту, у меня в поле зрения было постоянное движение, местность была под бомбами, всюду были пожары, а я тем временем сидел неизвестно где, - я и телефон. Потом я услышал шуршание, треск и шорохи, доносившиеся из зарослей кустарника. У меня с собой был только револьвер калибра .45, так что я вытащил его и стал вслушиваться. В итоге, я обнаружил, что это были две черепахи, занимающиеся любовью. Ну и страху я натерпелся тогда!

Нас все время перебрасывали с места на место, и, в итоге, моя батарея была отделена от полка и отправлена в распоряжение 17-й Австралийской Бригады, на другой берег. Меня оставили на месте, и не разрешили сворачиваться, хотя батарея отбыла восвояси. Я был сильно обеспокоен, потому что в небе появлялись бомбардировщики, а там, где раньше были наши пушки, были большие ямы, но, в конце концов, я получил приказ сниматься с места. Было страшно темно, и все, что у меня было, это телефон и мотоцикл. Я добрался до нашего штаба, и полковник сказал: «О, извините, сержант, я совсем про вас забыл. Ваша батарея переместилась на другую сторону горы, и, если вы найдете пост номер 3 на той стороне, вам подскажут, куда они перебрались.» В итоге, я добрался до своих, мы промаршировали через Лариссу/Larissa ... и разбили лагерь. По пути мы следили за самолетами, видели, как от них отрываются трассы пулеметных очередей и как они пикируют, и довольно энергично плюхались на землю на обочинах дороги. Потом мы к этому привыкли.

Мы заняли оборонительную позицию и оставались на ней какое-то время. Как-то вечером я слез со своего мотоцикла, было около четырех после полудня, и я прилег поспать. Вскоре раздались радостные крики, и я увидел в небе около 30 самолетов, подумал было, что это Спитфайры/Spitfire или Харрикейны/Hurricane, но оказалось, что были Мессершмитты/Messerschmitt. Они стали снижаться... Немного за нами находился аэродром, на котором базировались Гладиаторы/Gladiators и Лайсэндеры/Lysender. Один Лайсэндер поднялся в воздух вместе с двумя Гладиаторами,

и они сумели сбить пару Мессершмиттов, но позднее немцы вернулись и уничтожили всех наших.

Со временем мы спустились к рыбацкому городу под названием Волос/Volos. Там мы хорошо обустроились в траншее глубиной около 10 футов, широкой и просторной, где можно было двигаться. Мы вкопали телефонный щит (exchange) в борт траншеи, протянули линии связи, и какое-то время все были довольны. В полях у нас за спиной рос горох и все такое, все это созревало, и мы выбирались туда, собирали, что могли, и возвращались обратно, когда в небе появлялись самолеты. Через какое-то время ситуация стала более беспокойной, и наши линии связи оказывались перебитыми [после обстрелов с воздуха].

Александр Роджерс (Alexander Rogers), сапер

Мы едва успели пробить в пути несколько часов, когда весь конвой развернулся и отправился обратно в Алекс (так британцы часто называли Александрию – ВК). Итальянский флот поджидал этот конвой, но британцы его опередили. Средиземноморский флот взялся за дело и утопил все итальянские корабли. Фантастика – мы слышали шум боя где-то вдалеке, а на следующий день нам рассказали, что произошло. [Речь идет о [сражении у мыса Матапан](#) 28 марта 1941 года, в котором Королевский флот потопил три итальянских крейсера, два эсминца и повредил, по меньшей мере, один линкор]...

Перед нами была поставлена проложить объездную дорогу и выйти в распоряжение Батальона Маори в районе горы Олимп. Мы начинали работать на рассвете, были в дороге до темноты, спали под грузовиками, палаток не расставляли. Ели только говяжьей тушенку и галеты, и через пару недель дело было сделано. Мосты были построены, они и дорога были заминированы на тот случай, если ей воспользуются джерри. Однако на мины не установили взрыватели, и немцы оказались первыми, кто прошел по этой дороге: они обошли Батальон Маори и отрезали их...

На линии фронта

Неизвестный пулеметчик, 10 апреля, северный рубеж, район Веви

На следующий день, 10 апреля, новозеландские пулеметчики окопались над маленьким городком Веви, откуда было хорошо видно, как 64-й Королевский Артиллерийский Полк громит продвигающуюся по дороге немецкую моторизованную колонну. Нанесенный противнику ущерб было трудно оценить, но мы видели, как вражеские пехотинцы разбегаются сквозь разрывы снарядов в поисках укрытия...

В ночь с 11 на 12 апреля пулеметчики 27-го Батальона непрерывно вели огонь по немецким позициям. Утром немцы отбросили обороняющих правый фланг Королевских Рейнджеров, которые отступили через позиции новозеландского пулеметного батальона. Вспоминает Неизвестный пулеметчик:

С моей позиции я разглядел прорыв противника, солдаты которого карабкались через высокую гряду справа от нас примерно в точке 7765. Перед самым полуднем Рейнджеры отступили без приказа через позиции пулеметчиков...

К этому времени новозеландцы, сражавшиеся против хорошо экипированных немецких горных стрелков, не ели три дня и начали страдать от переохлаждения и обморожения...

Неизвестный новозеландец об отступлении с оборонительного рубежа в районе Веви:

Отступление под напором имеющего подавляющее преимущество врага – тягостный опыт: усталые люди должны пройти большее расстояние, чем их преследователи, им приходится разворачиваться и драться там, где местность благоприятна для этого, а потом снова трогаться в путь и идти безостановочно, чтобы не попасть в окружение. Ничто не вытягивает из тебя мужество так сильно, как холод, голод и утомление – сила воли покидает тебя, когда твое тело больше не в состоянии починаться приказам...

Джордж Клифтон (George Herbert Clifton, 1898 – 1970), бригадир, командир 6-й Бригады
Алиакмонская Линия

Через северный борт долины хлынули сотни пехотинцев, которые несли с собой складные лодки. Они оказались зажатыми на полосе шириной 30 ярдов между подножием склона и руслом, и шансов под огнем Виккерсов/Vickers у них не было. Три решительные попытки переправиться провалились, после чего на залитом кровью берегу остались трупы и разбитые лодки, часть из которых понесло течением реки к морю. Оставаясь начеку, новозеландцы всматривались в темноту, сквозь дождь, ожидая ночную атаку, но ничего так и не случилось. На следующее утро имел место еще один малоэффективный артобстрел, на который энергично ответили четыре 25-фунтовки. В поздние послеполуденные часы, в соответствии с планом и под прикрытием сильного ливня кавалерия (новозеландский Кавалерийский Полк - механизированная часть, оснащенная бронемашинами Мармон-Херрингтон/Marmon-Herrington - ВК) отступила. Люди были в восторге от своего первого столкновения с противником и покинули рубеж на реке почти неохотно.

Отход с позиций в районе Веви, где многие новозеландцы так и не вступили в бой. Из дневника рядового **Билла Глю (Bill Glue)**

8 апреля – Около 07.30 вечера нам приказали паковать вещи и быть готовыми к маршу. Ждал, попытался немного поспать (не удалось) под брезентовым навесом, так до часа ночи. Позавтракали, вышли в 02.00, шли два часа по горной дороге с рюкзаками с скатками. Валялись на дороге полтора часа в ожидании проводника. Немного поспал и проснулся, сильно замерзнув.

9 апреля – Снова в пути с 05.40 до 8 утра. Должно быть, прошли 10-11 миль. Идти довольно тяжело – все немного устали. Остановились на три часа в лесной просеке. Майор Пэттерсон [Patterson] сказал всем побриться, что не было воспринято положительно, однако после этого почувствовал себя намного лучше. Прошли с полмили – потом по машинам: 20 человек в один грузовик – набились довольно плотно. Ожиданий и остановок было больше, чем обычно. Несколько из них - из-за неисправности с подачей бензина. Большая часть колонны проехала мимо нас. Было уже 8 вечера, дождь лил как из ведра, когда мы прибыли на место. Ужин готов не был до 10 часов, все еще шел сильный дождь, так что я лег спать. Одежда, шинели, ноги – все мокрое.

10 апреля – Самая мерзкая ночь в жизни. Поспал несколько часов, потом лежал, закутавшись в мокрое одеяло, до утра. Сыт по горло армейской жизнью. Дует холодный ветер со снегом. Дрянной завтрак, но как хочется есть. Подсушил кое-какие одеяла на

ветру. Трогаемся в путь в 10.30. Промаршировали около мили до деревни [Лава/Lava], где улеглись спать в сенном сарае.

Из дневника пулеметчика (Брен) **Уолли Кимбера (Wally Kimber)**:

9 апреля – Тронулись в путь в 08.30 (должны были в 06.30) – самый дрянной конвой из всех, в которых я был на марше. Множество остановок – то транспортеры ломались, то кончался бензин. Отстал от конвоя, ночевал в греческом полицейском участке. Проехали 64 мили по довольно красивому горному проходу (северо-западные склоны горы Олимп – ВК). Некоторые участки дорог были глинистыми и шли через кустарник, другие получше, со множеством извилин. Спал под открытым небом – очень сыро и очень холодно.

10 апреля – Воссоединился со своими утром. Некоторые грузовики увязли. Дождь все еще льет. Окопались там, где нам приказали.

Новозеландцы на перевале Сервия/Servia к северу от горы Олимп - по страницам дневника **Дэна Дэвина (Dan Davin, 1913-1990, на фото справа, после войны – известный писатель)**:

15 апреля немцы начали прощупывать сильными разведывательными патрулями позиции 5-й бригады, но пушки 5-го Полка Полевой Артиллерии не дали им подойти на слишком близкое расстояние. После полудня немцы попытались вступить в контрбатареиную борьбу, но не сумели выявить расположение хорошо замаскированных британских пушек. Ни один снаряд не упал даже близко к ним. Вечером передовые пикеты 22-го батальона услышали, как немцы кричат что-то по-английски. Солдаты придержали огонь, полагая, что немцы хотят выявить местонахождение их замаскированных позиций. К своему неудовольствию, утром они обнаружили, что немцы разрезали их проволочное ограждение и убрали в нескольких местах мины. Взвод, в котором служил Дэн Дэвин тоже заминировал подходы к позициям 23-го Батальона, но, оказалось, что у них были дефектные детонаторы, и ни один немец на них так и не подорвался. В 08.30 *Kampfengruppe Ein* пошла вперед. Две роты 1-го Батальона 2-го Пехотного Полка атаковали фланг 22-го Батальона, намереваясь подавить все находившиеся здесь пулеметные гнезда и прикрыть основные силы, наступающие по шоссе со стороны Катерини. Артогонь 5-го Полка и пулемет 27-го Батальона сорвали атаку первой из рот. Вторая рота, продвигающаяся по шоссе, попала под огонь артиллерии и пулеметов. Она отступила, оставив на дороге девять горящих машин. Еще одна атака, на этот раз танков, попытавшихся обойти мост, тоже не принесла результатов, так как интенсивный огонь пушек 5-го Полка заставил их отступить. Один танк при этом застрял в грязи на берегу реки. Подполковник Фрейзер (K. W. Fraser) из 5-го Полка выдвинулся на передний край позиций 22-го Батальона и, корректируя огонь с помощью радиации, помог подавить, по меньшей мере, одну минометную точку противника. Артиллеристы Батареи E 7-го Полка Противотанковой Артиллерии хорошо понимали ограниченность возможностей их двухфунтовок, и не открывали огонь, пока *панцеры* не приблизились к ним в 08.40, после чего взялись за дело. Немцы откатились, оставив на берегу реки один горящий танк. В итоге, немцы поняли, что в лоб по дороге не пробьешься, и решили обойти позиции 5-й Бригады. Поскольку бригада удерживала довольно широкий сектор, маневр немцев было трудно не только остановить, но и просто разглядеть, так как они двигались в затянутых туманом сосновых зарослях. Весь остаток дня немцы удовлетворялись тем, что вели огонь по позициям 22-го Батальона из 75-мм пушек своих танков *Pz. IV*.

Дэвин записал в своем дневнике: «Я почувствовал, что справа что-то происходит, но не смог разглядеть, что это было.» С КП роты приходили противоречивые сообщения:

сначала приказ на отход, потом «продержаться еще час или около того». В поздние послеполуденные часы немцы предприняли решительную атаку на позиции Роты С 23-го Батальона. Они приблизились на правом фланге и смяли взвод Дэвина: «Стреляя из автоматов и бросая гранаты, они пробились через проволочное заграждение.» Несмотря на неразбериху Дэвин все еще мог видеть, как «хорошо скоординированными действиями новозеландские артиллерия и пулеметы дают немцам жару.»

Немцы смяли отделение 13-го Взвода, и несколько человек попали в плен, но в ходе контратаки были отброшены. Дэвин записал в дневнике, как один из пулеметчиков, вооруженный *Бреном*, рядовой Инглис (Inglis), из 3-го Отделения капрала Куинна (Quinn), спрыгнул к нему в окоп с криками «они все убиты, все убиты». Он сказал Дэвину, что был единственным уцелевшим из отделения, все остальные погибли. Солдат, впервые вступающий в ближний бой, часто теряет ориентировку и верит в то, что только он остался жив...

Хамфри Дайер (Humphrey Goring Dyer, 1896-1977, на фото слева), майор, командир роты 28-го Батальона (Маори), рассказывает об атаке новозеландцев в каньоне Мавронери/Mavroneri окрестностях горы Олимп 16 апреля 1941 года:

Маори впервые столкнулись с ударными немецкими частями в районе горы Олимп. Рота D, которая была размещена на левом фланге батальона, при приближении немцев втянулась в глубокий каньон. Мы поспешно вырыли стрелковые ячейки между деревьями и протянули ту колючую проволоку, которая у нас была под рукой, на высокой стороне ведущей к мельнице дороге, проходящей через выемку в средней части южного склона. Ниже, ярдах в 300-400, между деревьев, несся горный поток, в то время как с другой его стороны, круто поднимаясь, нависал склон великой горы.

За день до этого немцы выдвинули танки и пехоту на позиции напротив батальона, правый фланг которых находился в районе перевала Петра/Petra. Они протягивались вдоль подножия гор, доминируя над долиной реки Катерина/Katerina. Рота A, Нгапухи (Ngarihis – крупнейшее племя маори в Новой Зеландии – ВК), оказалась под сильным пулеметным огнем. Хорошо поработал минометный взвод. Вражеские разведчики были на горном склоне напротив нас, в районе деревни Скотеина/Skoteina, в трех милях выше по реке, где у нас был передовой пост.

Утром было очень облачно, опустился туман, и шел дождь. Видимость была всего несколько ярдов. Временами можно было видеть, как солдаты противника передвигаются по склону напротив нас. Рота B, Арава (Arawas – конфедерация маорийских племен iwi и hari – ВК), находившаяся справа от нас, открыла по ним огонь из Бренов/Bren с 1 200 ярдов. Приказ был держать под наблюдением передовую линию, пока в это время одна треть людей тащит вверх по склону, к батальонному штабу, свое тяжелое оружие, поскольку нам предстояло отступление после прихода ночи. Соответственно, когда противник атаковал 16-й Взвод позднее в тот же день, некоторых людей из его состава, включая взводного командира, на позиции не было. Половина взвода, занимавшего позиции в центре, была переброшена в Скотеину. Каждому взводу была дана инструкция направить разведчиков в днище каньона, чтобы они вступили в бой с противником и задержали его. Из 17-го Взвода туда отправился Таинуи (видимо, речь идет о солдате из этой конфедерации новозеландских племен – ВК).

От 16-го Взвода пришло сообщение о том, что напротив него концентрируются две роты противника. Снизу до нас донеслись звуки беспорядочной стрельбы и быстрое

тарактенные немецких пулеметов. Позднее я слышал, что Таинуи, увидев первых немцев, бегущих по направлению к нему, прыгая с валуна на валун, пожалел, что он не находится дома, в Новой Зеландии, и подумал о том, что был большим глупцом, записавшись в армию. Ну а сколько солдат не думало о том же в своем первом бою? Кто бы не почувствовал себя так же, оставшись в одиночку в диком каньоне и видя вражеских солдат, бегущих тебе навстречу, а ты всего лишь молодой парень и необстрелянный солдатик, рядом с которым нет другого товарища, кроме винтовки и рвущегося из груди сердца? Таинуи выстрелил в первого немца и убил его. Он выстрелил во второго и увидел, как тот упал на колени и пополз. Позднее он рассказывал, что почувствовал соблазн прикончить его, но подумал: «Бедный чертенок, я не могу этого сделать.» Потом он пошел назад, к своему взводу, который был слева, стреляя в каждого вражеского солдата, который попадался ему на глаза. Позднее он говорил: «Почему вы не дали мне Брен? Я мог бы удерживать этот брод еще долгое время.»

Именно тогда на 16-й Взвод на нашем правом фланге обрушилась целая лавина. Над нами все еще проплывали клочья облаков. Временами мы могли четко видеть противоположную сторону каньона; временами – только призрачные силуэты деревьев где-то напротив. Неожиданно наступил бедлам. Вражеские солдаты пошли в атаку на нас, придавливая проволоку к земле и выкрикивая по-английски: «Страшно?! Беги!/Frightened! Run!» Трещали выстрелы их пулеметов, автоматов и винтовок. Батарея двухдюймовых минометов обрушила нас свой огонь. То там, то тут рвались гранаты. Мы вели ответный огонь. Наши тяжелые минометы, бомбы и артиллерия засыпали долину снарядами. Командиры и рядовые солдаты кричали, вопили, все перемешалось в этом тумане и в этих зарослях.

Теперь я хотел бы упомянуть храбрецов: Хэрри Таитуха (Harry Taituha), отделение которого было смято и который отказался бежать и был оставлен, потому что его сочли убитым; Карету (Karetu), который стрелял из своего Брена и убивал немцев в упор; Джоу Хироти (Joe Hiroti) и Кэролла (Carroll) - автоматчиков, которые ушли, чтобы искать солдат противника; Тома Хавеа (Tom Hawea) и Мёрфа (Murph) – минометчиков, которые не поддались страху; Фаулера (Fowler), вестового паренька, который редко когда чего-то боялся; Тапуке (Taruke), батальонного клерка, который оказался среди нас со словами «Я просто пришел, чтобы быть вместе с парнями, сэр!» - хороший, трудолюбивый, смелый парень, который погибнет под Соллумом/Sollum (Африка), и о многих других бойцах.

В тот момент бой достиг своей кульминации. Позиция, на которой был Таитуха, была смята. Некоторые отступили. Сразу ниже разгорелся бой. Пули и все остальное летели всюду и везде. Хэррисон (Harrison) придерживал резервное отделение. Потом из кустов, слева от меня, вышел Таинуи с винтовкой через на плече, широко улыбаясь. «Кажется, 16-му Взводу приходится тяжело, сэр, - сказал он. – Я спущусь к ним и помогу?» Он ушел в эту адскую мешанину и вместе с другими отогнал противника. Вот это парень! Кто кроме горца или маори может идти в бой с такой радостью?

Отход с позиций в районе перевала Сервия. Из дневника **Билла Глю**:

17-18 апреля. Быстро двигались ночью – гунны (Huns – одно из прозвищ немцев, принятых у союзников – ВК) сидели у нас на хвосте со своей артиллерией. Рано утром были в окрестностях Лариссы... Прилетел самолет-разведчик гуннов. Страшная пробка. Их самолеты бомбили дорогу, и, когда мы разбежались, они спустились пониже, обстреляли нас и отбомбились по нам. Соседний грузовик загорелся. Меня осыпало комьями земли из соседней воронки... Потерял все свое снаряжение, когда наш грузовик в спешке укатил, оставив половину наших. Нас бомбили и обстреливали время от времени с 2 часов до сумерек, окончательно стемнело почти в 9 вечера. Мы прошли большое расстояние, не останавливаясь во время авианалетов... На перевале были довольно крутые участки. Воссоединился со своей частью, позавтракал кашей и

говяжьей тушенкой. Первая нормальная еда за несколько дней. Одолжил бритву, чтобы соскрести четырехдневную щетину... Мы поджигаем грузовики и сбрасываем их вниз по склону всю дорогу.

Из дневника **Уолли Кимбера**:

17-18 апреля – Был при штабе под рукой у бригадных штабистов большую часть дня, потом занял огневую точку, прикрывающую место посадки на машины. Всю ночь просидел на ней под дождем. Немецкая артиллерия обстреливала главную дорогу ниже нас и склон горы, за которой мы стояли. Большого ущерба они не нанесли, поскольку снаряды падали в речку, текущую ниже нас.

Брюс Маккэй (Bruce McKay), артиллерист, 25-я Новозеландская Батарея:

Нас перебросили на окраины городка Трикала/Trikala (около 40 миль к западу от Лариссы – ВК), который, насколько я понял, относительно недавно пострадал от землетрясения. Мы расположились в оливковых рощах и зарослях кустарника, где замаскировались. На следующее утро, когда рассвело, немцы подвергли Трикалу ожесточенной бомбардировке, они бомбили весь день, но, мы так и не поняли почему, нас они не заметили. Не думаю, что кто-то из нас хотя бы перевел дух в тот день, и вечером мы ушли. Война к тому моменту полыхала вовсю. Дороги были забиты не только беженцами, но и различными воинскими частями: австралийскими, британскими, новозеландскими. Какие-то машины шли в одну сторону, мы – в другую, и путем активного маневрирования и перемещений туда-обратно мы добрались до оборонительной линии, после чего продолжили передвигаться, чтобы выбрать позиции получше. Пушки вели интенсивный огонь, потому что боеприпасов по какой-то причине было полно, и стволы раскалялись почти докрасна из-за непрерывной стрельбы.

На этой линии положение стало ухудшаться, и потом нам сказали, что удержать ее будет невозможно, и, вероятно, нам придется эвакуироваться. Ну, началась некоторая суматоха, и нам пришлось в дальнейшем передвигаться по открытым дорогам, большей частью под бомбами и под обстрелами с воздуха, которые наносили нам минимальный ущерб, но наводили страх. На той стадии все наше снаряжение оставалось в целостности и сохранности. Потом нам сказали, что нам придется занять оборону, если мы найдем подходящую позицию для этого, и вступить в бой против немецкой пехоты и танков. Их альпийские (вероятно, речь идет о немецких горных стрелках – ВК) части были занозой в горле: казалось, они могли проникнуть куда угодно. Танки не были такой большой проблемой, как можно было ожидать: артиллеристы хорошо наловчились выводить их из строя, особенно тогда, когда те пытались переправиться через реки.

Отступление и эвакуация

Питер Винтер (Peter Winter, 1919-2004), водитель из Роты Заправки, был одним из последних, кто покинул Лариссу:

Дороги были забиты грузовиками, двигавшимися в сумерках бампер к бамперу под обстрелом и бомбами Люфтваффе. Я вел свою автоцистерну с водой, и мне не нужно было волноваться о людях в кузове... По собственной воле мы стали отбирать с собой продукты из брошенного склада, оказавшегося рядом, и раздавать их усталым и голодным пехотинцам из проезжавших мимо машин. Потом, откуда ни возмись, появился молодой лейтенант и стал обвинять нас в мародерстве. Мы запротестовали

и заметили, что стараемся раздать как можно больше, чтобы все это не попало в руки приближающихся немцев... Офицер вытащил револьвер и взвел курок. Наверное, он хотел получить у немцев «расписку». Мы проигнорировали его, и он ушел восвояси...

Был момент, когда нам приказали съехать с дороги, чтобы смягчить ситуацию с затором, при этом у немецкой авиации остались цели получше, чем мы. Всего мы потеряем десять грузовиков, включая мою автоцистерну. Я почти лишился своего напарника, которого не было со мной в тот момент, когда поступил приказ двигаться дальше. Мы потеряли друг друга в неразберихе, но потом встретились в лагере для военнопленных...

Новозеландцы на привале во время отступления...

Лейтенант **Уайлди (Wildey)**, сапер, рассказывает о том, как им приходилось готовиться к подрыву дороги, находясь в отступающей колонне:

Я подготовился к тому, чтобы подорвать скалу в четверти мили ниже по скату от верхней бровки склона, обращенного в ту сторону, откуда наступал противник. Со мной была часть людей из отделения Линделла (Lindell) и сержант Ларсона (Larson). У нас не было бурового оборудования или компрессора, поэтому работали мы вручную и медленно. Дорожное покрытие было 4 дюйма в толщину, под ним был твердый мрамор. У нас не было времени на то, чтобы устраивать подкопы под дорогу, так что я организовал рытье шурфов в центре дорожного полотна и у подножия откоса, чтобы грузовики могли объехать их, пока мы ведем работы. Я попытался одолжить компрессор у лейтенанта Томаса (L.G. Thomas), но он был постоянно в работе, и тот пообещал передать его, когда они закончат. Чтобы вырыть наши шурфы, нам приходилось использовать зубила, пробивая шпур, заряжая их взрывчаткой и подрывая, а затем выкапывать дробленый материал. Это повторялось несколько раз, пока ямы не достигали 6 футов в глубину, работа была посменной и продолжалась круглые сутки.

Нас обстреливали истребители, и было страшно сворачиваться в клубок в шурфе, когда рядом с тобой были сотни килограмм взрывчатки и пока джерри забавлялись. Пока мы закладывали заряды в шурфы, поток машин, идущих бампер в бампер, был настолько

плотным, что людям приходилось приседать, пока они проезжали, и продолжать работу тогда, когда возникал просвет...

Леонард Торнтон

Так, где-то примерно в день рождения Гитлера (20 апреля), который почти совпадает с [Днем Анзаков](#) (25 апреля), насколько я помню, было принято решение о том, что мы должны эвакуироваться. Джамбо Уилсон (Jumbo - кличка генерала Уилсона), англичанин, который служил с новозеландцами во время Первой Мировой войны, принял это решение, и оно было правильным, хотя флоту при этом пришлось нелегко. Мы стали отступать на юг настолько быстро, насколько возможно, и за три или четыре дня эвакуация была проведена.

Мы, конечно, потеряли большую часть нашего снаряжения во время эвакуации: ничего из тяжелой техники вывезти было нельзя, и это была очень неприятная кампания из-за того, что происходило в воздухе. Мы постоянно были под бомбами и под обстрелом в дневные часы. Слава богу, немецкая авиация мало что могла сделать ночью, и это означало, что ты мог немного поспать, если не был на марше, но это очень негативно сказывалось на морально-психологическом состоянии людей, которые не могли встретить ее огнем. Я вспоминаю многих, у которых слегка сдали нервы, из числа тех, кому приходилось отступать... Мы дошли до пляжей, я, на самом деле, на короткое время остался сзади, потому что вернулся, чтобы найти и прихватить с собой какое-нибудь радиооборудование, которое было жаль бросать, хотя и был такой приказ от старшего офицера по эвакуации.

Когда я вернулся к пляжу, мой полк уже покинул побережье, что оказалось на удивление удачным поворотом судьбы, так как полк, который теперь получил номер 4, отправился оборонять Крит, а я, попав на другой корабль, попал сразу в Египет и пропустил Критскую кампанию, которая дорого обошлась новозеландцам...

Рекс Томпсон

Со временем началось отступление из Греции, и к югу от Лариссы образовался колоссальный конвой, для него отсыпали дорогу высотой футов 12-14 над плоской окрестной местностью. На дороге застряли, упираясь носом в находившийся впереди грузовик, а немцы бомбили и обстреливали нас, бомбили осколочными бомбами. Мы опять решили, что безопаснее всего укрываться под грузовиком, потому что они бомбили обе обочины дороги этими бомбами, и мы потом поняли, что они, на самом деле, не хотят разрушать мосты или выносить транспортные средства. Пока мы стояли и ждали: мы застряли в этом определенном месте, в небе появился Дорнье/Dornier... Макушки телефонных столбов были лишь чуть выше дорожного полотна, и этот самолет скользил прямо над проводами. Мы просто глазели на него: нам не разрешали открывать огонь по самолетам, потому что так мы могли привлечь к себе внимания большого их количества.

Стрелок самолета повернул свою башню и сбросил нам два рулона туалетной бумаги – так они развлекались. С точки зрения того, что было сказано в его адрес, воспринято это было не очень дружелюбно, но потом вспоминалось с юморком. Позднее мы узнали, что парочка австралийцев завтракала дальше от нас на дороге, и именно это застопорило конвой, так что симпатий к этим парням не было никаких... Всю дорогу через Грецию мы снова и снова взрывали подходы к мостам, а немцы бомбили деревни, через которые проходила дорога – она была единственной в тех краях. Так продолжалось большую часть пути, пока мы не были готовы грузиться на корабли.

Эвакуация

Мы направились к пляжу, находившемуся на юге Греции, и в ту же ночь сели на баржу, которая должна была перекинуть нас на эсминец. Однако баржу перенаправили к острову Кеа/Кеа, куда мы прибыли утром. На эсминец грузиться было поздно, и нас продержали на острове весь день. Нам пришлось пересечь остров на своих двоих, было нас около сотни. Остров был почти лишенным растительности и довольно холмистым, и нам пришлось перебираться на другой его конец, чтобы нас там подобрала следующей ночью. Все это действовало на нервы, потому что немецкие самолеты регулярно пролетали над нами, и нам приходилось падать

брюхом на голую землю, когда видели самолет. Так или иначе, по-видимому, немцы склонялись к тому, чтобы выполнить какое-то конкретное задание, и только об этом и беспокоились. День прошел в объятиях с землей и в пешем марше, в итоге, мы добрались до противоположного конца острова, где нас в ту же ночь подобрали и перебросили на эсминец Kandahar (командир – Уильям Робсон, на фото слева). Мы думали, что направляемся в Египет, но, по всей видимости, уже во время перехода было решено перебросить нас на Крит на пару дней.*

Мы перенесли 13 авианалетов по время перехода и получили пару дыр в кормовой части эсминца, по счастью, на самом краю, но сомневаться не приходится: командир корабля хорошо знал свое дело. Он невозмутимо ждал самолета, потом резко брал лево или право руля так, что вода перехлестывала через палубу по время разворота. Но мы избежали прямых попаданий, тогда как один или два конвоя сильно пострадали...

Джордж Браун

А потом началось отступление. Мы все еще были под бомбами и прошли через Афины, когда немецкие передовые отряды уже вступили в город. Была поздняя ночь, мы расселись по грузовикам, которые направились в определенную точку. Там нам приказали уничтожить все, кроме личного оружия. Мы изрезали шины наших грузовиков и стали гонять моторы со слитым маслом. Потом пришел приказ остановиться, потому что нам нужно было двигаться куда-то еще. Мы проехали через деревню, и там Рота В нашего батальона понесла самые большие [за все время] потери от пулеметного огня и авиабомб. Немцы, кажется, не вступали в бой в ночное время, так

что мы промаршировали к пляжу. Не знаю, сколько миль мы прошли, но дорога показалась мне бесконечной.

На пляже мы свалились, чтобы передохнуть, и тут один из моих людей подошел ко мне и сказал: «Сэр, дайте мне вашу флягу: мы нашли склад рома», после чего принес мне флягу, полную выпивки, которую я со временем осушил целиком. Появились [кауки](#), которые должны были перекинуть нас на корабли. Я сел на один из них, и сразу после этого услышал чей-то голос, донесшийся до нас с военного корабля – эсминца Kimberley: «Поторопитесь, вы там, а то останетесь здесь!»

Ричард Кин

Потом мы узнали, что греки капитулировали, и нас будут эвакуировать. Я разбил топором свой новый мотоцикл BSA (British Small Arms - в те годы крупная компания – ВК). Нам предстояло бросить и наши пушки ... пришлось снять с них затворы... Я закрыл телефонный узел, сел на грузовик и тронулся в путь. В итоге, мы добрались до побережья, где я выбросил в море свой телефонный щит. Наши ранцы тоже полетели в море, туда же бросили упаковки с основным снаряжением... У нас мало что было с собой: у меня был бинокль, противогаз, револьвер, компас, технический рюкзак и небольшой вещмешок за спиной, шинель. Нам пришлось выбросить свои одеяла, котелки и фляги.

Мы добрались до стоявших у берега китобойных судов, но каждый раз, когда я пытался забраться на борт, я срывался вниз. В сумку вместе с противогазом я затолкал две пачки сигарет... После нескольких моих попыток залезть на борт китобоя подошел здоровенный моряк, взял меня за хлястик шинели и затащил на палубу вверх ногами. После этого я больше не увидел свои сигареты. Потом мы по веревочному трапу поднялись на борт эсминца Kandahar, где меня приписали к столовой для подофицеров. Вход туда был через люк, находившийся на палубе, и я застрял в отверстии из-за всего этого мелкого барахла, которое было на мне, и следующее, что я помню, - это как башмак какого-то моряка ударил меня по каске, после чего я быстро проскользнул вниз. Одежда на мне была мокрая после того, как пришлось брести по воде к китобою, и моряки сняли ее с меня и отнесли в машинное отделение, а мне выдали флотские брюки и форменку. Потом мою одежду принесли мне сухой. Как хорошо было поесть досыта, проглотить свежие овощи, которые мы не видели уже долгое время.

Нас немного бомбили в пути. Я лежал на койке и отдыхал, потом увидел, как борт корабля вдавило вовнутрь, и подумал, что это – не то место, где я хотел бы находиться. Я попытался подняться вверх по судовой шахте, но люк из нее оказался закрытым. Наверху моряки вели огонь из своего [Чикагского пианино](#)/Chicago piano, и мне пришлось остаться там, где я был, чтобы думать о том, выберусь я оттуда или нет. Однако мы прошли весь путь и добрались до залива Суда на Крите...

Брюс Маккэй

Мы продолжили отступать на юг, ситуация к тому времени приобрела хаотичный характер. Никто толком не знал, что происходит. Мы добрались до окрестностей Афин – не уверен, насколько далеко мы были от самих Афин, – где нам сказали, что мы должны уничтожить наши пушки и машины, потом рассеяться и ждать морской транспорт. Мы сделали пушки бесполезными настолько, насколько это было возможно, прицелы взяли с собой. На наших машинах были кирки, ими пробивали картер, после чего запускали двигатель и гоняли, пока его не заклинивало.

Выведя из строя машины, мы переместились на позицию, название которой я не помню. Там было много кустарника, стланика и оливковых деревьев, недалеко от моря. Нам приказали укрыться в этих зарослях, была надежда, что ночью нас подберут. Немецкие самолеты постоянно висели в воздухе, но по какой-то причине они нас не видели, поэтому целый день прошел безо всяких происшествий. Когда стала спускаться темнота, повсюду были разосланы вестовые, чтобы сообщить людям о необходимости быть готовыми к уходу. Люди должны были бросить на месте все лишнее снаряжение, такое как винтовки, противогазы и все прочее. Однако лишь немногие избавились от винтовок... Около трех или четырех часов ночи нам приказали построиться и маршировать к морю. Там нас ждали корабли Королевского флота, у берега были спасательные шлюпки. То, что моряки считали лишним, перед погрузкой на шлюпки бросали в воду. Я попал на [легкий крейсер] Carlisle. Там нас отвели в столовую кочегаров, где эти ребята просто не знали, как нам угодить, наливая нам какао, раздавая нам хлеб и наваливая в миски бобы и все то, что могли найти, поскольку мы не ели целый день. Потом мы вышли в море и взяли курс, как потом оказалось, на Крит. Несколько раз нас бомбили, но Carlisle, будучи крейсером ПВО, выставил мощный барьер зенитного огня, и рядом с нами упали всего три или четыре бомбы. В итоге, мы прибыли в залив Суда, думаю, когда еще не наступили сумерки...

Александр Роджерс

Вся дорога ... оказалась под постоянными бомбежками и обстрелами с воздуха. В итоге, мы погрузились на баржи, которые перевезли нас на военные корабли. Там были эсминцы, крейсера, несколько больших войсковых транспортов. У нас с собой было все снаряжение, наши винтовки и все остальное, мы думали, что нам это все понадобится. К борту крейсера ПВО нас доставило греческое судно, я все еще тащил на себе пулемет, свой Льюис/Lewis, и моряк, который был на судне, сказал: «Куда ты с этим собрался?» Я говорю: «На борт корабля, может, он мне еще понадобится.» Он ответил: «Вот что, или ты, или оружие. Дай-ка мне его.» Я отдал ему пулемет, и он швырнул его за борт, сказав: «На борт для него места нет.»

Мы забрались на крейсер и тронулись в путь. В конвое, должно быть, был десяток кораблей и большой войсковой транспорт. На полпути к Криту мы увидели на расстоянии самолеты. Мы были на палубе, нас было человек 200 или 300, и мы сказали: «Боже мой, нам все это не нравится.» Мы уже видели слишком много самолетов к тому времени. Кто-то сказал, что это британцы, которые летят в качестве сопровождения. Ну, они в нас не попали, но их бомба вырвала кусок борта длиной футов 50 прямо над ватерлинией. Мы выбрались оттуда, но войсковой транспорт получил прямое попадание и ушел под воду, еще пару кораблей зацепило.

Кеннет Фрэйтер

Кеннет Фрэйтер был одним и небольшого числа водителей, которые добровольно вызвались сделать рейс на север, чтобы вывезти оттуда в район Афин для дальнейшей эвакуации людей, оборонявших Фермопильскую линию.

Около 09.30 24 апреля выехали на север. Я думал, что удачно схитрил, выехав последним из леса. Я предполагал, что каждому грузовику придется развернуться, и я буду первым, кто тронется в обратный путь. Увы, это были только планы! Я не знал, что там будет петля для разворота назад и что я окажусь в хвосте колонны. Немного после 10 вечера до нас донесся топот ног, и вскоре после этого первый грузовик тронулся с места. Около 11 вечера, когда передо мной оставался только один грузовик, подошли еще

солдаты и забрались в этот грузовик. Ко мне приблизился сержант и сказал: «Тебе придется подождать: скоро здесь появится лейтенант Весни.» Много времени прошло – по меньшей мере, минут 15, которые я просидел черт знает где в полной темноте, чувствуя себя ужасно одиноко, после чего ощутил какое-то движение в кузове машины. Потом открылась дверца с пассажирской стороны, и я услышал голос: «Оставайтесь на месте – люди залезают в кузов. Меня зовут Артур Весни** (на фото справа).» Я услышал, как кто-то хлопнул по крыше кабины и сказал: «Все в порядке, трогай.» Я спросил: «Вы из команды Все в Черном?/Are you the All Black***?» Он ответил: «Да. А сейчас я хочу немного вздремнуть.»

Вести машину с выключенными фарами – дело утомительное. Ты ничего не видишь через лобовое стекло и вынужден высовывать голову из бокового, от чего устаешь. Некоторые из шоферов выбили свои лобовые стекла, но это означало, что ты мерзнешь сверху донизу, а не только твоя голова. Так или иначе, самая большая скорость при этом была не больше 10 миль в час, от чего мотор перегревался. Днем мы покрыли около 60 миль и, только что проехав через дорожную выемку на вершине гряды в нескольких милях к югу от Марафона/Marathon, снова спустились на ровное место, где мне сказали, чтобы я съехал в сторону от дороги, в заросли деревьев и кустарника. Лейтенант Весни и его люди вскарабкались на холм и пробыли там какое-то время, наблюдая за дорогой к северу от нас, высматривая противника. Я подумал, что наступил хороший момент, чтобы поменять носки и перекусить. Когда я забрался в кузов грузовика, я обнаружил, что мой ящик с продуктами пуст, кроме того, кто-то спер мои чистые носки и нижнее белье. Вот неблагодарные черти! Часа через полтора эти 20 парней вернулись... Я сказал им: «Вы – шайка неблагодарных ублюдков, вы стащили мою еду и одежду, и за это надо было вас бросить здесь и уехать.» Артур Весни сказал им: «Кто это сделал – кто может что-то сказать по этому поводу?» Никто не произнес ни слова. Он говорит: «Хорошо, тогда поехали.»

Когда мы тронулись в путь, он сказал мне, как он сожалеет о том, что ко мне проявили такое отношение, но эти люди ничего не ели целые сутки. Я был настроен очень враждебно по отношению к этим парням, и целых четыре после этого должен был терпеть их в качестве пассажиров.

Мы объехали залив, в котором на якоре стояли два эсминца. Мне были интересно, возьмут ли они нас на борт, но мы продолжили свой путь и проехали через Коринф сразу после 10 утра 25 апреля. Проехав через город, мы только-только выехали на шоссе, как нас остановил вестовой. В районе [Коринфского] канала высаживались парашютисты, и мы получили приказ поворачивать назад. Когда мы снова оказались в городе, мне сказали свернуть в узкий переулок и ждать. Мои пассажиры покинули машину, и я остался сам по себе сторожить грузовик. Еще один грузовик остановился позади меня, и его пассажиры спрыгнули на землю. Было хорошо оказаться в компании с кем-то. Эта машина, по-видимому, была примерно в 10 милях к югу от Коринфа, когда их развернули. В воздухе кипела активность, и от этого было довольно страшно. Мы не могли видеть, что происходит, но видели сотни самолетов, проплывающих над нами...

Лейтенант **Келсолл (Kelsall)**, сапер, описывает в своем дневнике события, связанные с высадкой воздушного десанта немцев в районе Коринфского моста:

05.30. Услышал шум стрельбы и сообщение часового о том, парашютисты высаживаются на волнистый участок местности к востоку от нас. Ошарашен. Начал организовывать оборону в саду, [где мы расположились]: 1-е и 3-е отделения вдоль

линий, идущих с севера на юг и обращенных на восток и юг. Штабная секция прикрывает нас с юго-запада. Мы не можем видеть мост сквозь деревья, но и нас, вероятно, не видно со стороны в этом саду. Парашютисты прыгают с высоты примерно 500 футов (150 м), а истребители проносятся над кронами высоких сосен, растущих по краям сада. Через открытые двери даже видно, что происходит в самолетах.

Поскольку мои люди не прошли пехотную подготовку, я сказал командирам отделений набрать боеприпасов и не открывать огонь, пока противник не окажется, по меньшей мере, в 400 футах (120 м) от нас. Парни из 3-го Отделения слишком нетерпеливы и, должно быть, начали стрелять с расстояния 800 футов (240 м), наверное, они дали противнику понять, где мы находимся... В 06.50 раздался мощный взрыв, и мне показалось, что мост взлетел на воздух... Шоу началось со стрельбы из автоматического оружия, а когда наше сопротивление усилилось, в бой вступили минометы...

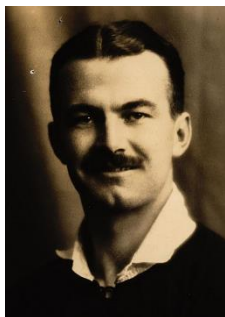
09.00. решил сделать перерыв, приказал скинуть с грузовиков все снаряжение, чтобы на скорости уйти на юг. Забрался на дерево ... и увидел, к своему ужасу, горящие танки 4-го [Полка Гусар] – по меньшей мере, три (люди бежали к ним, а потом, думаю, их подстрелили) и пулеметные бронетранспортеры на открытой местности. Мессершмитты разбираются с ними весьма эффективно: дорога здесь исключительно прямая и является идеальным местом для обстрела [с воздуха]. Решил остаться на месте с шестиколесными 1.5-тонными грузовиками Morris и продолжать бой...

13.00. Осталось совсем мало боеприпасов – с участком, где мост, никакой связи. Решил прорываться отсюда с остатками роты – 140 человек. Мы разделились на небольшие группы (подофицер и 6 солдат) и будем прорываться к побережью.

14.30. Решил отдать приказ трогаться в путь...

Кеннет Фрэйтер:

Около полудня [25 апреля] стихло, и вскоре после этого мои пассажиры вернулись. Тогда я сообразил, что офицером в другом грузовике был полковник Расте Пэйдж**** (James Russell Page, 1908 – 1985, на фото слева), также из All Blacks, командир 26-го Батальона. Мы дали водителю второго грузовика несколько минут, чтобы завести машину, и тронулись в путь. В паре случаев я видел самолеты, пикирующие в нашем направлении, и то, как на дороге поднимались фонтанчики пыли от пулеметных очередей. Каждый раз я останавливался, чтобы выпрыгнуть из кабины, но Весни заставлял меня ехать дальше... Я уже начал сильно недолюбливать Люфтваффе.

Каждый раз, проезжая через бугор или холм, мы останавливались, и парни выбирались из машины, чтобы осмотреться... Во время одной из остановок, которая случилась в деревне, я услышал, как кудахчет курица. Я сиганул через глинобитный забор и нашел гнездо с тремя яйцами в нем. Поскольку я не ел почти 48 часов, я решил высосать их, и, скажу я вам, ребята, это было вкусно! Проезжая через перевал Аргос/Argos, мы остановились уже на рассвете и съехали в сторону. Мои пассажиры, как всегда, исчезли, и я снова остался сам по себе. Это было прекрасное солнечное утро, и я, держа винтовку в руках, лег вздремнуть рядом с передним колесом своего грузовика. Проснулся я около полудня, наполнил свою флягу в небольшом соседнем ручье, залил в бак последний запас бензина, после чего решил побриться у ручья. Я полез за своим небольшим вещмешком, в котором была бритва и который лежал под водительским

сиденьем, я обнаружил, что кто-то спер его, пока я спал. Теперь у меня не было ничего, кроме грузовика, который, в любом случае, принадлежал армии, винтовки, одежды, которая была на мне, и тем, что было в карманах.

После полудня пехотинцы вернулись, и мы продолжили путешествие через гористую местность. По дороге мы видели множество брошенных и сгоревших грузовиков, но мы добрались до места в целости и сохранности, чтобы занять позиции в районе Триполиса/Tripolis.

Я, как обычно, сидел и ждал, припарковавшись у аэродрома, который был основательно раздолбан немецкой авиацией. Неподалеку, в канаве, я обнаружил брошенный пикап, обшарил машину и нашел большую банку зеленого горошка. Я не мог поверить своей удаче! Открыл банку карманным ножом, выпил жидкость и затолкал горошек себе в горло. Вкус его был восхитительным. Через 15 минут у меня по щиколоткам уже текла зеленая жидкость, которую изверг мой кишечник...

На следующее утро мы проехали через Спарту, и мои пассажиры стали дожидаться следующего утра, 29 апреля. Мы тронулись в путь на рассвете. Старый Бедфорд/Bedford теперь ехал на пяти цилиндрах. Мой человеческий груз за ночь вырос с 20 человек до более чем 40 – более 4 тонн на 3-хтонном грузовике. Машина все еще ехал неплохо на спусках, но на подъемах я оставлял ее на низкой передаче...

Дорога стала поровнее, и где-то в миле от моря мне приказали съехать в оливковую рощу. Весни поблагодарил меня за хорошую работу, остальные не сказали ни слова... Припарковавшись под оливковым деревом, я огляделся и увидел с десяток грузовиков в этой роще. Это было все, что осталось от тех 30, с которыми я недавно тронулся в путь. Днем нас догнал один из наших офицеров. На закате мы подогнали машины к бровке клифа. Потом мы слили масло, погоняли двигатели, пока их не заклинило, и столкнули грузовики вниз. Когда стемнело, мы спустились к пляжу и сидели там несколько часов... В итоге, около полуночи к берегу подошли несколько гребных шлюпок, в которые быстро стал грузиться народ. Было около 2 часов ночи, когда подошла наша очередь. Через несколько минут мы уже были рядом с греческим рыбацким судном. Когда одноцилиндровый двигатель завелся, на его борту было около сотни человек.

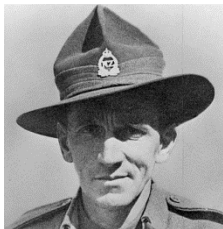
Мину через 10 мы были уже там, где на якоре стояли эсминцы Isis и Hotspur. Мы погрузились на Hotspur, где мне дали кружку какао. Крепко держа в руках винтовку - последнее, что у меня оставалось, я заснул на стальной палубе. Это был последний акт организованной эвакуации, хотя, насколько я знаю, крейсер Аях подобрал генерала уже в 4 утра.

Thurland Castle на пути в Египет...

Часов в 9-10 30 апреля я проснулся из-за того, что по трансляции нам приказали собраться на палубе. Мы находились в заливе, который, как кто-то решил, был критским заливом Ханья. Мы пришвартовались рядом со старым транспортом Thurland Castle и быстро перебрались на него. В заливе было много потопленных кораблей. Тут случился авианалет, рядом с несколькими кораблями упали бомбы, но нас оставили в покое, хотя на нашем судне были видны следы прошлых обстрелов с воздуха. Офицер Корпуса Армейского Обслуживания предложил вернуть нас в наши части, которые теперь были на Крите, но полковник Пэйдж сказал, что мы останемся под его началом, пока он не получит противоположный приказ. Ура Расте Пэйджу!

Мы отплыли около полудня. В конвое было три войсковых транспорта с уцелевшими людьми из 6-й Бригады и всяким сбродом типа нас на борту. Транспорты шли один за другим, по обе стороны от нас были военные корабли, вероятно, большая часть из того, что осталось от Средиземноморского флота. Они были с нами, пока мы не оказались за пределами досягаемости Люфтваффе, однако целых 24 часа они были под атаками немецких самолетов. По счастью, немцы гонялись за военными кораблями и не трогали нас. 2 мая мы прибыли в Порт-Саид...

В последнем бою союзников на земле Греции приняли участие новозеландцы. Это было в порту Каламата/Kalamata на юге страны. Среди тех, кто сражался до последнего, был сержант-новозеландец по имени **Джон Хинтон (John Hinton, 1909-1997, на фото слева)** Позднее он был ранен пулей в живот, попал в плен и оказался в списках пропавших без вести. Несколько месяцев спустя, уже в лагере для военнопленных, он узнал о том, что был награжден *Крестом Виктории*.

Ленточку к ордену ему вручил немецкий генерал на общем построении военнопленных, сам Хинтон успел к тому времени совершить несколько попыток бежать из лагеря.

В представлении к награде, опубликованном в *London Gazette* 14 октября 1941 года, можно было прочесть следующее:

В ночь с 28 на 29 апреля 1941 года, в ходе боев в Греции, колонна немецкой бронетехники, в которой находились несколько бронемашин, двухдюймовые пушки, трехдюймовые минометы и две шестидюймовые пушки, стремительно атаковала большую группу британцев и новозеландцев, ожидавших погрузки на корабли. Когда части получили приказ отступить в укрытия, сержант Хинтон, выкрикивая «К черту все это, кто со мной?», пробежал несколько ярдов по направлению к ближайшей [немецкой] пушке. Она выстрелила, не попала в него, после чего он бросил две гранаты, уничтожившие расчет. Затем он со штыком наперевес последовал за группой новозеландцев. Немцы бросили шестидюймовую пушку и отступили в два ближайших дома. Сержант Хинтон разбил окно, выбил дверь первого дома и заколол с находившихся в нем штыком. Он повторил то же самое во втором доме и, пока не прибыли превосходящие в численности немцы, новозеландцы удерживали [вражеские] пушки. Потом сержант Хинтон был ранен пулей в низ живота и попал в плен.

Это был едва ли не последний боевой эпизод Греческой кампании...

Эпилог

Бернард Фрейберг, комментарий к одному из писем, написанных в 1949 году:

Хоть мы и были крепкими ребятами, с нами никто не проконсультировался ни по одному из детальных аспектов планирования Греческой кампании. При этом, когда мы прибыли

туда, перед нами была поставлена невыполнимая задача..., а когда все стало рассыпаться в прах, нам пришлось взять на себя весь груз принятия дрянных решений и отсутствия нормальной штабной работы.

Ховард Киппенбергер, во время Греческой кампании – командир 20-го Батальона:

Монтгомери сказал мне: «Мы вступили в Италию, не имея плана». За три с половиной года до этого мы отправились в Грецию, не имея плана...

Никакие соображения не должны перевешивать военные соображения, когда предлагается начать [какую-либо] кампанию, в противном случае, вас ждет провал и поражение.

Во время Греческой кампании потери новозеландцев составили 261 человека убитыми, 1 856 попавшими в плен и 387 ранеными. Впереди был Крит...

Примечания

* Эсминец *Kandahar* 19 декабря 1941 года подорвался на итальянской mine и на другой день был затоплен самими британцами. 73 члена экипажа погибли. Командиром эсминца бы командер Уильям Робсон (William Geoffrey Arthur Robson, 1902-1989, ушел в отставку в чине вице-адмирала).

** Arthur Wesney (1915-1941) – звезда новозеландского регби. Погиб 23 ноября 1941 года во время атаки на немецкие позиции в районе аэродрома Сиди Резег, северная Африка.

*** Распространенное название сборной Новой Зеландии по регби, одетой в черную форму.

**** Подполковник Пэйдж был тяжело ранен 26 ноября 1941 года в том же бою, в котором погиб Артур Весни.

Источники

Richard Campbell, Peter Liddle. *For Five Shillings a Day. Personal Histories of World War II*. 2000

<https://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-WH2Engr-c4.html>

<https://core.ac.uk/download/pdf/148643764.pdf>

<https://www.28maoribattalion.org.nz/memory/major-hq-dyers-account-attack-mavroneri-gorge-olympus-pass-greece-16-april-1941>

https://openaccess.wgtn.ac.nz/articles/thesis/A_selection_from_the_war_diaries_of_Dan_Davin/17014583

<http://tothosewhoserved.org/nz/army/nzarmy01/>

<https://rune.une.edu.au/web/bitstream/1959.11/6849/5/open/SOURCE06.pdf>

<https://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-WH2-20Ba-c4.html>

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org